

УДК 811.11.1'27
ББК Ш143.21-7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

Е. Н. Молодыченко
Архангельск, Россия

E. N. Molodychenko
Arkhangelsk, Russia

**ТЕКСТОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ОБРАЗА ВРАГА В ИСТОРИИ И ПОЛИТИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА США)**

**ENEMY IMAGE CONSTRUCTION
IN HISTORY AND POLITICS
(THE CASE
OF US PRESIDENTIAL DISCOURSE)**

Аннотация. Анализируются способы текстовой репрезентации образа врага в американском политическом дискурсе последних 50 лет. Образ врага является текстовой проекцией универсальной семиотической категории «круг чужих». Границы и семантическое наполнение данной категории зависят в тексте от конкретной дискурсивной формации и ее доминирующей идеологии при сохранении неизменными способов конкретной текстовой актуализации данной категории на уровне отбора языковых средств, тактик, стратегий.

Abstract. This article undertakes an analysis of textual representation of enemy image in American political discourse spanning the past 50 years. It is contended that textual actualization of the enemy is the projection of the basic semiotic category of the 'other'. The ways in which the category is actualized in texts in terms of lexis, grammar, macro- and micro-strategies remain almost intact, despite the change of socio-economic orders and specific referents invoked in texts as enemies. Constructing enemy image in texts is contended to be the driving force of discursive construction of social world, maintaining social patterns and legitimizing actions in the best interest of specific political actors.

Ключевые слова: текст; анализ текста; анализ дискурса; политический дискурс; коммуникативные стратегии; социальный конструкционизм; «свои vs. чужие».

Key words: text; text analysis; discourse analysis; political discourse; text strategies; social constructionism; "us and them".

Сведения об авторе: Молодыченко Евгений Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики перевода.

About the author: Molodychenko Evgeni Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation.

Место работы: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова.

Place of employment: Northern (Arctic) Federal University n.a. M.V. Lomonosov.

Контактная информация: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буйн, 7, к. 300.
e-mail: e.molodychenko@gmail.com.

В основе всех популярных в последние годы подходов к анализу дискурса лежит общее представление о том, что способы текстовой репрезентации не просто нейтрально отражают внешний мир, системы идентичностей и социальных отношений, но активно участвуют в их изменении и создании новых [Jorgensen and Phillips 2002: 1].

Подобная позиция, определяющая теоретические и методологические основы дискурс-анализа, базируется на принципах философии социального конструкционизма, для которой характерны четыре общие послышки [Там же: 9—12]. Во-первых, это критическое отношение к само собой разумеющемуся знанию. Наши знания о мире не следует рассматривать как нечто объективное: реальность доступна через посредничество категорий, т. е. наши знания и репрезентации не отражают реальность «как таковую», но скорее являются результатом специфических способов ее категоризации, или, в дискурс-аналитических терминах, наши

знания суть продукты дискурса. Во-вторых, это историческая и культурная обусловленность знаний о мире. Наши знания о мире — результат вписанных в конкретный исторический контекст дискурсивных взаимодействий между людьми. Дискурс в таком случае является формой социального поведения, участвующего в создании социального мира, включающего знания, идентичности и социальные отношения, а следовательно, и в закреплении и поддержании конкретных социальных паттернов. В-третьих, это связь знания и социальных процессов: наши знания о мире создаются и закрепляются в процессе социального взаимодействия, где различные акторы оспаривают право на фиксацию своей, единственно верной, интерпретации действительности. В-четвертых, это связь знания и социального поведения: определенные способы интерпретации действительности делают одни шаблоны поведения вполне естественными, другие — неприемлемыми.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 12-24-20000 «Национальный политический дискурс: история как современность».

© Молодыченко Е. Н., 2012

Одним из измерений интерпретации действительности, задаваемым дискурсивно и политически, является групповое деление общества. Как известно, наиболее радикальной и инклюзивной здесь будет так называемая оппозиция «свои — чужие», повсеместно эксплуатируемая в политической коммуникации. Подобно прочим вариантам дискурсивного «дробления» мира, такая категоризация может обуславливать определенные действия, причем не только и не столько дискурсивного характера [См., например: Leudar et al. 2004].

Проведенное нами исследование американского политического дискурса в диахроническом разрезе позволяет сделать некоторые выводы относительно актуализации категории «враг» в политической коммуникации США на историческом отрезке примерно в 50 лет. Во-первых, на выбранном временном отрезке (1961—2008 гг.) дифференцируются две дискурсивные формации — дискурс холодной войны и дискурс нового мирового порядка. Во-вторых, обе дискурсивные формации характеризуются четкой антагонистической ориентированностью: доминантами текстопорождения являются две полярные категории: «круг своих» и «круг врагов», — имеющие, однако, различные референциальные индексы в этих двух формациях. Последнее утверждение позволило, далее, выдвинуть предположение, что моделируемый в текстах американского политического дискурса образ врага представляет собой проекцию универсальной когнитивной и семиотической категории «круг чужих». Категория «круг чужих» является вариативной и подвижной: ее границы и наполнение при реализации определяются особенностями общественно-политической практики и задаются при помощи лингвистических средств в текстах, отражающих данную практику.

Предметом анализа в данной работе стали публичные речи президентов США Дж. Кеннеди, Р. Никсона, Дж. Картера и Р. Рейгана, запечатлевающие эпоху, называемую холодной войной, и, как показано в нашем исследовании, формирующие дискурс холодной войны (ДХВ). Также проанализированные нами речи президентов Дж. Буша, Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего коррелируют с эпохой, называемой некоторыми исследователями новым мировым порядком [См., например: Dunmire 2009]), и образуют в совокупности дискурс нового мирового порядка (ДНМП).

Для описания принципов текстового моделирования образа врага был использован стратегический подход, т. е. вся совокуп-

ность использованных разноуровневых языковых средств рассматривалась в разрезе определенных коммуникативных стратегий, тактик, коммуникативных ходов.

Детальный анализ текстов публичных речей, являющихся частью дискурса холодной войны и дискурса нового мирового порядка, позволил выделить тактические приемы и средства прагматического фокусирования комплексного образа врага, реализующие в совокупности три частных стратегии: (1) стратегию создания круга «чужих»; (2) стратегию создания фантомной угрозы; (3) стратегию демонизации врага. Каждая стратегия рассматривается как в результате, представленном совокупностью средств прагматического фокусирования в тексте определенных необходимых отправителю смыслов, так и в процессуальном аспекте, охватывающем различные тактические приемы и коммуникативные ходы, реализующие их.

Стратегия создания круга «чужих» заключается в моделировании в тексте посредством различных языковых средств образа «чужих», которые оцениваются («своими») как думающие/действующие враждебно по отношению к американцам и американским ценностям. В ДНМП круг «чужих» актуализируется посредством лексем, фокусирующих в ткани текста смысл «враг» («*enemy*») преимущественно 1) через прямые номинации, например с использованием ярлыков *enemy, terrorist, tyrant, dictator, killer* и др.; 2) через номинацию частотных видов деятельности и прочих явлений, ассоциируемых с «чужими», например посредством прагматически заряженных лексем *aggression, repression, terror, torture, murder* и прочих, создающих семантическое поле с пейоративной семантикой; 3) через дисфемистическое описание вооружения врагов, например: *weapons of mass murder, terrible weapon, instruments of terror, instruments of mass death and destruction, the most lethal weapons ever devised*.

Фокусирование образа врага и создание семантического поля «чужого» в ДНМП достигается в первую очередь прямой «категоричной» номинацией агентов с использованием следующих частотных идеологических ярлыков с пейоративной семантикой: *terrorist, tyrant, dictator, regime*; ярлыком-гиперонимом для данной подгруппы выступает лексема *enemy* (например, в следующих сочетаниях: *ruthless and resourceful enemy, we must take the battle to the enemy, the nature of the enemy, America faces an enemy*). Помимо указанных выше номинаций анализ текстов также позволил выявить в

ДНМП использование следующих инвективных ярлыков: 1) сочетаний с лексемой *evil* (например, *evil men*), 2) целой группы номинаций, объединенных семой «лишение жизни», «убийство», а именно *killers, murderers, assassins, thugs*, 3) номинаций с семами «криминальный», «незаконный», например субстантивированного прилагательного *the lawless*, а также сочетания *the lawless men, outlaw groups and regimes, criminal gang, gang of fanatics, extremists, gangsters, aggressors* и некоторых других. **Характерной особенностью ДНМП** является создание интегративного образа врага, объединяющего две группы агентов — «террористов» и «тиранов». Текстовая актуализация врага как интегративного образа в лице террористов и «тирана» Саддама Хусейна описанными лексемами иллюстрируется следующим примером из обращения Дж. Буша-младшего: *Failure to act would embolden other tyrants, allow terrorists access to new weapons and new resources, and make blackmail a permanent feature of world events* [Bush 2002].

В данном примере средством интегрирования двух агентов в единый образ врага является использование бессоюзной связи. Лексемы *terrorists* и *tyrants* представлены в качестве однородных дополнений, а сама структура предложения как бы стирает различия и уравнивает две подгруппы, как если бы речь шла об одних и тех же субъектах. Использование такого приема позволяет автору устанавливать нужные семантические связи между отдельными элементами текста, которые затем переносятся и на экстралингвистическую реальность. В результате синонимами могут стать объекты и явления, за пределами текстового целого синонимами не являющиеся.

Особенностью моделирования образа врага в ДХВ является его текстовая актуализация посредством различных лексических средств, фокусирующих смысл «соперник» и «соперничество»: *adversary, competitor, competition*. Образ врага в текстах ДХВ представлен единой группой агентов, а именно Советским Союзом или, шире, коммунизмом/тоталитаризмом. Наиболее значимыми ярлыками, используемыми в ДХВ, являются лексемы *enemy, foe, adversary, aggressor*, а также идеологемы *communists, totalitarians*. Лексема *enemy*, представляющая собой гипероним для всех прочих встречающихся номинаций, используется в текстах ДХВ достаточно «аккуратно», «не категорично», как правило, в сочетаниях типа *enemies of freedom*. Примеры прямого семантического отождествления СССР и *enemy* выявлены не были.

Несмотря на наличие в текстах ДХВ отдельных примеров употребления лексемы *enemy* для актуализации образа врага, в тех случаях, когда подчеркивается антагонистическое позиционирование СССР, чаще всего используется лексема *adversary*. Отсюда следует важный вывод о том, что при моделировании отношений США и СССР внимание в тексте фокусируется не на смысле «война», а скорее на семе «соперничество». При этом примеры использования прямой номинации с лексемой *adversary* также чрезвычайно редки: в большинстве случаев то, что СССР является соперником США, подается имплицитно, выводится из контекста. Рассмотрим следующий пример из инаугурационного обращения президента Дж. Кеннеди: *Finally, to those nations who would make themselves our adversary, we offer not a pledge but a request: that both sides begin anew the quest for peace, before the dark powers of destruction unleashed by science engulf all humanity in planned or accidental self-destruction* [Kennedy 1961].

В тексте не содержится эксплицитного указания на то, кто конкретно является «соперником» США, но исходя из широкого и узкого контекстов можно сделать вывод, что речь идет в первую очередь об СССР. Интересно отметить еще один «страховочный» прием, используемый президентом: формулировка *those nations, who would make themselves our adversaries* снимает ответственность с США за начало противостояния и перекладывает ее на соперника (*who would make themselves our adversaries* — буквально «которые захотят сделать себя нашими соперниками»). Смысл «соперничество» также актуализируется в тексте использованием лексемы *request*, семантика которой предполагает существование менее напряженных отношений между сторонами, чем, например, в случае использования лексемы *demand* (обнаруживаемой в текстах ДНМП).

Наиболее значимым тактическим приемом реализации стратегии создания круга «чужих» в ДХВ и ДНМП является тактика поляризации «своих» и «чужих». Основой тактики поляризации выступает антитеза в широком смысле, понимаемая как композиционный прием, доминанта порождения текста. Специфическими характеристиками реализации данной тактики также являются редуционизм и использование номинаций с явной мелиоративной семантикой для создания «круга своих» и с явной пейоративной семантикой для создания «круга чужих». Мы полагаем, что такой способ текстовой актуализации «своих» и «чужих» позволяет

свести все «напряжение», возникающее между двумя полюсами, к «противостоянию» двух различных «наборов» лингвистических ярлыков. Одни стереотипные номинации противопоставлены другим, при этом никаких причин и обоснований на основе аргументации или фактов не требуется: противопоставление двух миров может быть объяснено лишь *в силу конфликта самих языковых номинаций и их языковой семантики*. Подобная рецептивная программа, заложенная в текст его автором, активизирует более простую схему восприятия со стороны реципиента. На анализ объективных каузальных связей между явлениями может быть потрачен минимум когнитивных усилий, так как реципиенту предоставлен в распоряжение уже готовый редуцированный шаблон восприятия действительности. Реализации в тексте данной рецептивной программы также способствует переход на более высокий уровень абстракции при текстовой актуализации «своих» и «чужих». Для подтверждения данного положения приведем следующий пример из радиобращения Дж. Буш-младшего: *I will continue reaching out to friends and allies, including our partners in NATO and the European Union, to promote development and progress, to defeat the terrorists, and to encourage freedom and democracy as the alternatives to tyranny and terror* [Bush 2004].

Одним из средств перехода на более генерализированный уровень описания являются так называемые политические аффективы, под которыми подразумеваются слова без точного понятийно-логического содержания, поддающиеся различным трактовкам, но при этом отличающиеся сильной эмоциональной оценочностью, вследствие чего они апеллируют к эмоциональному мышлению индивида, отчасти блокируя рациональное восприятие [Шейгал 2000: 115—116]. Политический аффектив является разновидностью «семантически пустых слов». В вышеприведенном примере пространство «своих» формируется абстрактными аффективами *development, progress, freedom* и *democracy*, которые противопоставлены абстрактным пейоративным аффективам *tyranny* и *terror*. Что конкретно скрывается под этими номинациями и на каком (объективном) основании противопоставляется, в тексте не выражено. Таким образом, мы полагаем, что противопоставление «своих» и «чужих» обусловлено в данном примере лишь конфликтом языковой семантики указанных аффективов.

В ДХВ реализация тактики поляризации имеет аналогичную специфику (редукцию-

низм, использование номинаций с явной пейоративной семантикой для создания «круга своих» и с явной пейоративной семантикой для создания «круга чужих», переход на более генерализированные уровни описания). Отличительной особенностью реализации стратегии создания круга «чужих» в ДХВ, однако, является то, что наряду с тактикой поляризации в текстах ДХВ также используется диаметрально противоположная по своей природе тактика кооперации. Суть данного тактического приема сводится к отражению в ткани текста тенденции не к разобщению, а, напротив, к сближению двух антагонистических групп. При этом две данные тенденции (поляризация и кооперация) существуют *в текстах параллельно друг другу*. Очевидно, развертывание двух данных тактик является текстовой проекцией диалектического единства двух разнонаправленных тенденций в отношениях между СССР и США. Примечательно в данном отношении следующие высказывание президента Дж. Картера из его речи, произнесенной всего за несколько месяцев до введения советских войск в Афганистан, повлекшего ухудшение отношений между двумя государствами: *The United States and the Soviet Union are the two most powerful nations on Earth, and the relationship between us is complex, because it involves strong elements of both competition and cooperation* [Carter 1979].

В текстовой плоскости данное единство противоположностей выражается следующим образом: подчеркиваются различия и полярное позиционирование двух миров, но одновременно говорится и о возможности сближения, ср. следующий иллюстративный пример, взятый из выступления президента Р. Рейгана: (1) *Our third task is to establish a better working relationship with each other, one marked by greater cooperation and understanding*. (2) *Cooperation and understanding are built on deeds, not words*. (3) *Complying with agreements helps; violating them hurts*. (4) *Respecting the rights of individual citizens bolsters the relationship; denying these rights harms it*. (5) *Expanding contacts across borders and permitting a free exchange or interchange of information and ideas increase confidence; sealing off one's people from the rest of the world reduces it*. (6) *Peaceful trade helps, while organized theft of industrial secrets certainly hurts* [Reagan 1984].

Как видно из приведенного примера, тенденция к кооперации, сближению актуализируется семантикой таких лексем, как *working relationship* (1), *each other* (1), *cooperation, understanding* (1, 2), *to bolster rela-*

tionship (4), *confidence* (5). Начиная с третьего предложения (3) появляется противоположная тенденция — противопоставление, поляризация. Противопоставление осуществляется на основании отношений «своих» и «чужих» к понятиям *cooperation* и *understanding*. Все элементы негативной характеристики (например, *violating, denying ... rights, stealing off people from the rest of the world* и т. д.) характеризуют определенные аспекты образа врага, т. е. СССР. Антонимически актуализируемые элементы соответственно воспринимаются как характеризующие США (ср.: *complying with agreements, respecting the rights, peaceful trade* и т. д.). Таким образом, совокупности семантики двух данных комплексов характеристик образуют два антагонистических поля.

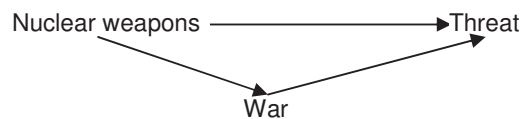
Средством реализации тактики кооперации является также включение антагониста в одну референтную группу с адресатом посредством использования инклюзивных местоимений *we/our/us*. Для подтверждения данного положения рассмотрим следующий иллюстративный пример из выступления Р. Никсона на Генеральной Ассамблее ООН 23 октября 1970 г.: *Despite the deep differences between ourselves and the Soviet Union, there are four great factors that provide a basis for a common interest in working together to contain and to reduce those differences. // The first of these factors is at once the most important and the most obvious. Neither of us wants a nuclear exchange that would cost the lives of tens of millions of people. Thus, we have a powerful common interest in avoiding a nuclear confrontation. // The second of these factors is the enormous cost of arms. Certainly we both should welcome the opportunity to reduce the burden, to use our resources for building rather than destroying. // The third factor is that we both are major industrial powers, which at present have very little trade or commercial contact with one another. It would clearly be in the economic self-interest of each of us if world conditions would permit us to increase trade and contact between us. // The fourth factor is the global challenge of economic and social development. The pressing economic and social needs around the world can give our competition a creative direction [Nixon 1970].*

Объединение двух соперничающих сторон в одну группу осуществляется посредством употребления инклюзивного местоимения *we/our/us*. Дополнительными средствами актуализации «кооперации» в тексте являются прочие лексические единицы с семантикой «объединения», концентрированно представленные в данном отрывке:

common interest, working together, to reduce differences, we both, with one another.

Одним из аспектов создания комплексного образа врага является **моделирование исходящей от него угрозы**, направленной на «своих». Угроза моделируется путем развертывания в текстах ДНМП и ДХВ отдельной стратегии, представленной совокупностью разнообразных тактик. Мы полагаем, что моделируемая в дискурсе нового мирового порядка и холодной войны угроза является фантомной, т. е. создается языковыми средствами в ткани и плоскости текста, но не отражает истинного положения вещей в реальном мире. Средством прагматического фокусирования угрозы в ткани текста является прежде всего концентрированное использование лексических единиц с семантикой “threat”, “danger” и т. д. Особенностью актуализации угрозы в текстах ДНМП является непосредственное отождествление агентов группы «враг» с угрозой. Так, в качестве угрозы репрезентируется режим Саддама Хусейна или террористические организации, ср: *But now the march of freedom must not be threatened by the man [Saddam Hussein] whose invasion of Kuwait is causing great economic hardship in the countries which can afford it the least [Bush 1990]; But the only way to defeat terrorism as a threat to our way of life is to stop it... [Bush 2001].*

Важным отличием репрезентации угрозы в ДХВ является то, что связь группы «чужих» с образом угрозы в большинстве случаев не устанавливается напрямую. Если в ДНМП часто можно встретить пропозиции, у которых семантическую связь компонентов можно описать по схеме «Iraq = Threat», то в ДХВ такая схема усложняется необходимостью включения в нее промежуточных звеньев и может быть представлена в следующем виде:

Данная схема эксплицируется такими выделенными нами из текстов ДХВ лексемами и их сочетаниями, как *the nuclear threat, the threat of nuclear weapons, the arsenals of destructive weapons threatening the world, the awesome Soviet missile threat, the threat of nuclear war, the threat posed by strategic nuclear missiles, to avert the threat of war, to reduce the danger of nuclear war, an increased danger of conflict, the danger of nuclear holocaust, to reduce the risk of war, the risk of a conventional military conflict escalating to nuclear war, the risks of serious confrontation,*

the risk of nuclear confrontation, the risk of surprise attack, the risk of nuclear war и т. п. Другим оказывающимся в фокусе образом — источником угрозы в текстах ДХВ является коммунизм/тоталитаризм. Данный образ актуализируется в тексте сочетаниями *the danger of communism, the expansion of totalitarian rule, the threat of totalitarianism, the treat of totalitarian ideology* и пр. Таким образом, считаем возможным говорить об актуализации в текстах ДХВ двух основных образов, являющихся источниками угрозы для США: образа «ядерного оружия / ядерной войны» и «коммунизма/тоталитаризма».

Анализ текстов ДХВ свидетельствует, что наиболее активное употребление различных средств актуализации и прагматического фокусирования угрозы наблюдается в текстах публичных речей президента Дж. Кеннеди. Так, например, в одном только обращении президента к Американской ассоциации издателей газет (American Newspaper Publishers Association) встречаются такие примеры фокусирования внимания на угрозе: *in the face of a common danger, this deadly challenge, our country's peril, our way of life is under attack, the survival of our friends is in danger* [Kennedy 1961a]. Все текстовые актуализации угрозы семантически связаны с создаваемым в речи образом Советского Союза как врага США.

Актуализацию образа ядерного оружия как источника угрозы в текстах ДХВ можно проиллюстрировать следующим примером из речи Дж. Кеннеди в Американском университете: *The conclusion of such a treaty [Nuclear Test Ban Treaty], so near and yet so far, would check the spiraling arms race in one of its most dangerous areas. It would place the nuclear powers in a position to deal more effectively with one of the greatest hazards which man faces in 1963, the further spread of nuclear arms* [Kennedy 1963].

Одним из тактических приемов, выделенных нами в составе данной тактики, является моделирование альтернативного будущего. Данная тактика реализуется в речевом акте прогноза, который является специфическим средством ориентации, связанным с анализом будущего, а не настоящего или прошлого в мире политики. Основным признаком прогноза является интенция — высказать предположение о вероятном течении событий, а именно о том, что должно произойти в случае отсутствия тех или иных действий со стороны США. Данный вид прогноза является так называемым прогнозом-регулятивом [См.: Шейгал 2000]. Наиболее частотные лингвистические средства реализации этой тактики — будущее время, сосла-

гательное наклонение, маркеры вероятностной модальности.

Проведенный нами анализ показывает, что основным средством конструирования темного альтернативного будущего в ДНМП являются средства с вероятностной модальностью. Вероятностная модальность, или «возможность», понимается как хотя и реально существующая, но скрытая тенденция данной действительности, как то, что может стать, но может и не стать действительностью [Антонова 2007: 9].

Модальность возможности как категория современного английского языка представляет собой сложное пересечение нескольких подкатегорий: *possibility, opportunity, likelihood, chance*, — воспринимаемых вариантами центрального понятия и являющихся конвенциональными для данного общества [Там же: 10]. Для реализации обсуждаемой тактики используется преимущественно подкатегория *possibility*.

Наиболее частотными средствами актуализации вероятностной модальности в анализируемом нами текстовом корпусе являются модальные глаголы со значением *possibility*. Превалирующим по частотности и практически единственным употребляемым в такой функции модальным глаголом является глагол *can/could*, ср.: (1) *The danger is clear: using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of Iraq, the terrorists could fulfill their stated ambitions and kill thousands or hundreds of thousands of innocent people in our country, or any other.* // (2) *The United States and other nations did nothing to deserve or invite this threat.* (3) *But we will do everything to defeat it.* (4) *Instead of drifting along toward tragedy, we will set a course toward safety.* (5) *Before the day of horror can come, before it is too late to act, this danger will be removed* [Bush 2003].

Как видно из приведенного примера, при помощи модальности *possibility* автор моделирует «темный» вариант будущего (см. употребление глаголов *can* и *could* в (1) и (5) предложении). Формированию образа угрозы способствуют прочие составляющие текстовую ткань языковые средства. Так, лексемы *danger* (1) и *threat* (2), основные актуализаторы угрозы в тексте, а также лексема *horror* (5) эксплицитно позиционируют моделируемую ситуацию как опасную. Такое позиционирование подкрепляется детальным указанием конкретных элементов «угрозы» (1) (*chemical, biological, nuclear weapons*), употреблением ярлыка *terrorists*, а также подчеркнуто эмоциональным описанием смерти незащитных людей (*kill thousands or hundreds of thousands of innocent people*).

Дополнительно угроза «приближается» к реципиенту указанием возможного места развертывания событий: *our country*. В четвертом предложении (4) эксплицитно указывается на наличие только двух вариантов будущего (см. использование конструкции *instead of ... we will ...*) — это вариант реализации стратегии редуционизма.

Вероятностная модальность также анализируется такими лексемами, как *capability, chance, danger, odds, opportunity, plausibility, potential, risk* и т. д. (для подкатегории *possibility*). В анализируемых нами текстах в такой функции наиболее частотны лексемы *risk, fear, danger*. Рассмотрим следующий пример с использованием слова *risk*: *Saddam Hussein is harboring terrorists and the instruments of terror, the instruments of mass death and destruction. And he cannot be trusted. The risk is simply too great that he will use them, or provide them to a terror network* [Bush 2002].

Как видно из данного примера, модальность возможности используется для конструирования гипотетической ситуации будущего (ср.: *the risk is ... that he will use ... or provide*). При этом возникновение такой ситуации оценивается как *очень* вероятное, что подчеркивается употреблением прилагательного *great* с интенсификатором *too* в качестве именной части сказуемого. Интенсивность картины «темного» будущего определяется использованием в описании эмоционально-оценочных ярлыков *terrorists, mass terror*, апокалиптичность дополнительно усиливается прагмемами *mass death and destruction*.

Еще одним способом реализации описываемой тактики является использование средств футуральности. Так, в следующем отрывке альтернативное будущее моделируется в придаточном предложении времени с использованием грамматических форм Present Tense: *But Saddam Hussein has defied all these efforts and continues to develop weapons of mass destruction. The first time we may be completely certain he has a — nuclear weapons is when, God forbids, he uses one. We owe it to all our citizens to do everything in our power to prevent that day from coming* [Bush 2002a].

В приведенном отрывке автором создается два альтернативных варианта развития событий: «темное будущее», описываемое здесь в терминах ядерной угрозы (*weapons of mass destruction, nuclear weapons*), может быть предотвращено *только* в случае активных военных действий со стороны США (*do everything in our power to prevent that day from coming*). Автором также используется

обстоятельное придаточное предложение времени (*when ... he uses one*). Мы полагаем, что такой тип придаточного предложения, в отличие от придаточного условия, прогнозирует развитие событий, моделируемых пропозицией, с гораздо большей долей вероятности: ситуация преподносится как такая, которая должна *неминуемо* наступить.

Частотным средством реализации приема «создания альтернативного будущего» является использование форм субъюнктива. Наиболее употребительна аналитическая форма «*would + infinitive*». Она обозначает гипотетическое действие либо как воображаемое следствие гипотетических условий, либо как реальную возможность. Подобная грамматическая семантика определяет использование этой формы как средства реализации описываемой тактики: *Failure to act would embolden other tyrants, allow terrorists access to new weapons and new resources, and make blackmail a permanent feature of world events. The United Nations would betray the purpose of its founding, and prove irrelevant to the problems of our time. And through its inaction, the United States would resign itself to a future of fear* [Bush 2002].

В приведенном примере посредством сослагательного наклонения моделируется гипотетическая ситуация угрозы с перечислением различных явлений, связанных гиперо-гипонимическими отношениям (*would embolden ... tyrants, would make blackmail a permanent feature, would betray*). В роли переронима и «общего знаменателя» для перечисленных явлений выступает выражение *future of fear* («альтернативное темное будущее»). Как и в предыдущих примерах, основная интенция автора — показать *необходимость* активных действий (ср.: *failure to act*).

Тем самым, как мы полагаем, реализующий данную тактику прогноз-регулятив служит *универсальным средством оправдания определенных политических действий*, которые предлагает предпринять политик, чтобы предотвратить наступление (моделируемого описанными выше средствами) темного будущего. Данное положение подтверждается использованием описываемой тактики тремя президентами в тех случаях, когда существовала необходимость оправдать наступательную активность со стороны США.

Анализ текстового корпуса ДХВ показал, что одним из основных текстовых средств моделирования альтернативного будущего также являются лексемы с модальным значением *possibility (possibility, risk, danger*

и др.). Однако моделируемые при помощи них потенциальные ситуации будущего представлены в ДХВ *свернутой пропозицией*, например отглагольным существительным, как в следующем примере из выступления Р. Рейгана: *We have proposed a set of initiatives that would reduce substantially nuclear arsenals and reduce the **risk of nuclear confrontation*** [Reagan 1984].

Модель потенциальной ситуации будущего (*nuclear confrontation*) достаточно «плоская», представлена в упрощенном виде номинализацией *confrontation*; семантические роли агенса и пациенса редуцированы. Мы считаем, что в речевоздействующем аспекте такое моделирование потенциально опасных ситуаций будущего не может быть столь же успешным, как при наличии полной пропозиции, в которой семантическую роль агенса заполняют агенты круга «чужих», а предикат соответственно выражает то или иное угрожающее интересам, жизни, ценностям реципиента действие.

В качестве средства моделирования потенциального будущего в текстах ДХВ также используются модальные глаголы. Употребление модальных глаголов в данной функции можно разделить как минимум на два типа. Первый тип демонстрирует следующий пример из речи Р. Рейгана, посвященной национальной безопасности: *During the past decade and a half, the Soviets have built up a massive arsenal of new strategic nuclear weapons — **weapons that can strike directly at the United States*** [Reagan 1983].

Форма *can strike* актуализирует в тексте грамматическое значение скорее теоретической возможности (*theoretical possibility, possibility of an idea*), т. е. обладания определенными характеристиками, которые позволяют осуществить то или иное действие, чем вероятности возникновения такой ситуации в будущем (*possibility in a specific situation*). Для актуализации в тексте последнего значения (*possibility in a specific situation*), как правило, используется форма *could*. Следует также отметить, что и в данном примере не обнаруживается актуализации врага в роли агенса угрожающего действия: агенсом является ядерное оружие (*strategic nuclear weapons*).

Второй тип употребления модальных глаголов связан с моделированием в тексте более конкретной ситуации потенциального будущего. Модальные глаголы в таких примерах, как правило, используются совместно с другим средством моделирования альтернативного будущего — сослагательным наклонением. Рассмотрим пример из радиои телеобращения Дж. Кеннеди к гражданам

США, посвященного вопросам заключения соглашения о запрете испытаний ядерного оружия (on the Nuclear Test Ban Treaty): *A war today or tomorrow, **if it led to nuclear war, would not be like any war in history. A full-scale nuclear exchange, lasting less than 60 minutes, with the weapons now in existence, could wipe out more than 300 million Americans, Europeans and Russians, as well as untold millions elsewhere. And the survivors, as Chairman Khrushchev warned the Communist Chinese, "the survivors would envy the dead," for they would inherit a world so devastated by explosion and poison and fire that today we cannot even conceive of its horrors*** [Kennedy 1963a].

Комплексным использованием модальных средств и сослагательного наклонения текст моделирует потенциальную ситуацию темного будущего (*if it led, would not be, could wipe out, would envy, would inherit*). Эмоциональность и выразительность описания достигается употреблением различных языковых единиц с «апокалиптической» семантикой (*devastated, explosion, poison, horrors, wipe out* и др.). Как и в предыдущих случаях, принципиальным моментом является отсутствие в ролях агентов угрожающего действия.

Лишь в редких случаях при моделировании альтернативного будущего враг может выступать в тексте в роли агенса. При этом такая актуализация имеет определенную специфику. Рассмотрим пример: ***The Communists control over a billion people, and they recognize that if we should falter, their success would be imminent*** [Kennedy 1961b]. В этой цитате в роли агенса выступает один из стандартных образов врага — *Communism*. Отличием данного примера от приведенных выше, однако, является то, что для актуализации ситуации альтернативного будущего в тексте не используется «апокалиптическая» лексика (ср. употребление существительного *success*).

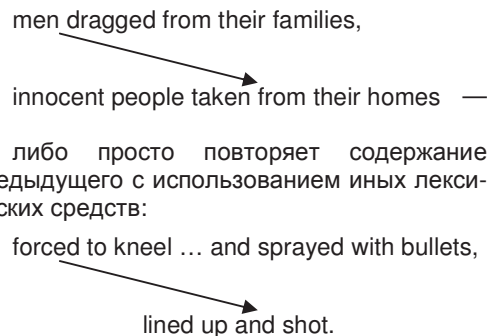
Из сказанного выше вытекает важный вывод: реализация тактики создания альтернативного будущего в текстах ДХВ отличается от реализации аналогичной тактики в текстах НМП по ряду параметров. Кардинальным отличием является то, что в текстах ДХВ агенты «круга чужих» не актуализируются в тексте в семантической роли агенса угрожающего действия. Этому в первую очередь способствует текстовая актуализация потенциальной будущей ситуации посредством номинализаций, нейтрализующих семантические актаны, свойственные развернутой пропозиции. При использовании полной пропозиции в качестве агентов

угрожающего действия в большинстве случаев выступает ядерное оружие / ядерная война.

Реализация **стратегии демонизации врага** в ДХВ и ДНМП основана на развертывании в тексте так называемого прототипического сценария демонизации. Сценарий демонизации описывает инвариантную ситуацию совершения насильственного действия «агрессором» по отношению к «жертве». Основным средством актуализации прототипического сценария в ткани текста является использование дисфемизмов с пейоративной семантикой для описания совершаемого «агрессором» действия и специально отобранного комплекса лексических единиц с общей семантикой “innocence”, “weakness” для текстовой репрезентации «жертвы». Обусловленный развертыванием сценария демонизации перлокутивный эффект основывается, во-первых, на напряжении, возникающем между семантикой двух обозначенных комплексов лексических единиц, во-вторых, на высоком уровне лексической конкретизации при описании ситуации агрессии. Эффект семантической избыточности создается введением в текст дублирующих друг друга высказываний, описывающих одну и ту же ситуацию действительности с использованием разных пейоративных языковых средств. Механизмы текстовой актуализации сценария демонизации обнаруживают принципиальное сходство в двух рассматриваемых дискурсах. Проиллюстрируем текстовое развертывание прототипического сценария демонизации примером из обращения президента Б. Клинтона к населению США по поводу ситуации в Косово: *Now they've started moving from village to village, shelling civilians and torching their houses. We've seen innocent people taken from their homes, forced to kneel in the dirt, and sprayed with bullets; Kosovar men dragged from their families, fathers and sons together, lined up and shot in cold blood. This is not war in the traditional sense. It is an attack by tanks and artillery on a largely defenseless people whose leaders already have agreed to peace* [Clinton 1999].

В первом предложении инвариантный сценарий демонизации конкретизируется в описании осуществления врагом действий военного характера по отношению к «беззащитным жертвам». Смысл «жестокость агрессора» репрезентируется в ткани текста напряжением между предикатом *to shell* (ср.: *to bombard with artillery shells*), характеризующим достаточно масштабное по своему характеру военное действие, и его объектом — мирными жителями (*civilians*). Следу-

ющим шагом автора является переход к эмоциональному описанию с *высоким уровнем конкретизации*. Воссоздаваемая ситуация выглядит очень реалистичной и конкретной: автор не просто бессистемно перечисляет действия, а приводит их в точной последовательности совершения: (1) *innocent people taken from their homes* → (2) *forced to kneel in the dirt* → (3) *and sprayed with bullets*. Дополнительным средством создания перлокутивного эффекта при текстовом развертывании прототипического сценария является своеобразный синтаксический параллелизм и семантическая избыточность. Предложения в рассматриваемом отрывке образуют дублирующие друг друга пары, каждое последующее предложение либо повторяет предыдущее с более высокой степенью лексической конкретизации:

Описанный коммуникативный ход создает в ткани текста пространство с высокой концентрацией лексических единиц, обладающих специфической пейоративной семантикой, и тем самым выступает в роли средства выдвигания на передний план нужного отправителю смысла. Семантическая избыточность и взаимная включаемость одного компонента другим создает яркий, запоминающийся образ, воздействует на эмоциональное мышление реципиента. Замкнутость логической структуры определяется возвращением в конце примера к начальной модели — применению военной силы к мирным жителям, ср.: *tanks and artillery* ↔ *defenseless people*.

Аналогичные средства демонизации врага используются и в ДХВ. Текстовое развертывание стратегии демонизации представлено в первую очередь в текстах, тематически связанных с политикой СССР в Афганистане. Средства прагматического фокусирования «жестокости» врага и текстовая актуализация прототипических сценариев демонизации фрагментарно обнаруживаются в текстах, соотнесенных с периодом Вьетнамской войны. В роли врага, чей образ подвер-

гается демонизации, в данных текстах выступает Северный Вьетнам.

Одна из тактик в рамках стратегии демонизации — приписывание мнения. Эта тактика состоит в приписывании врагу определенного мнения, убеждения, стремления и т. п. Текстовая актуализация данной тактики представляет собой введение в текст гипотетических суждений, отражающих мысли, стремления, интенции врагов. Анализ текстов ДНМП показывает, что при текстовой актуализации таких суждений автор персуазивного текста не показывает эксплицитно, что данное суждение является предположением. Таким образом, основа данной тактики — *невывраженность в ткани текста маркеров субъективности суждения*, позволяющая выдавать предполагаемое за объективную истину. Одним из основных языковых средств введения гипотетического суждения в текст и подачи его как объективного являются сочетания *they believe* и *they seek*. Поскольку реализации рассматриваемой тактики в различных текстах ДНМП однотипны, ограничимся только одним примером из речи Дж. У. Буша, в котором укажем также вспомогательные средства реализации стратегии демонизации: (1) **Terrorists and their allies believe the Universal Declaration of Human Rights and the American Bill of Rights and every charter of liberty ever written are lies to be burned and destroyed and forgotten.** (2) **They believe the dictators should control every mind and tongue in the Middle East and beyond.** // (3) **They believe that suicide and torture and murder are fully justified to serve any goal they declare.** (4) *And they act on their beliefs* [Bush 2004a].

Одним из наиболее значимых (вспомогательных) средств прагматического фокусирования на нужном отправителю смысле в тексте является здесь синтаксическая и лексическая анафора, реализующаяся в единообразном начале всех трех предложений. Данные предложения выражают субъективные суждения об убеждениях и стремлениях врага, причем маркеры субъективности суждения в тексте не актуализируются. Все три предложения посредством совокупности используемых языковых средств (ср.: *lies to be burned, dictators should control every tongue and mind, suicide, torture, murder* и др.) выделяют в тексте смыслы «жестокость», «беспощадность», «пренебрежение врагов к любым нормам цивилизованного общества» (которые воплощают *Universal Declaration of Human Rights and the American Bill of Rights*). В первом предложении (1) обращает на себя внимание использование перечисления сходных по своей семантике глаголов

(*burned and destroyed and forgotten*), образующих ряд градации по нарастанию. Цель такого лексического оформления — эксплицитно подчеркнуть идею о пренебрежении «врагов» к конвенциям цивилизованного общества. Во втором предложении (2) суждение о гипотетической власти тиранов облекается в преувеличенно-апокалиптические термины (*control every tongue and mind*). Такая гипербола употребляется с целью создать более демонический и угрожающий образ врага. В третьем предложении (3) демоничность образа подчеркивается тем, что гипотетические представления врагов идут вразрез с общечеловеческими представлениями о цели и оправдываемых ею средствах ее достижения. Эмоциональное перечисление трех действий подряд (*suicide and torture and murder*) способствует созданию и закреплению в сознании реципиента более яркого образа.

Для ДХВ средства текстовой актуализации данной тактики в целом не являются частотными. Интегративным признаком для всех выявленных в ДХВ случаев реализации этой тактики является сходство «приписываемой» пропозиции — утверждение о стремлении врага к беспредельному мировому господству и подчинению. Ср., например, следующее высказывание Дж. Ф. Кеннеди: *If we were to resign from the United Nations, break off with all countries of whom we disapprove, end foreign aid and assistance to those countries in an attempt to keep them free, call for the resumption of atmospheric nuclear testing, and turn our back on the rest of mankind, we would not only be abandoning America's influence in the world, we would be inviting a Communist expansion which every Communist power would so greatly welcome* [Kennedy 1963b].

Данный пример демонстрирует конвергенцию по крайней мере двух приемов: 1) моделирования альтернативного будущего (формы со вспомогательным глаголом *would*), 2) приписывания определенных интенций и амбиций врагам, являющегося частью стратегии демонизации. При этом «приписывание» носит характер «угадывания»: в поверхностной структуре текста не актуализируются маркеры субъективности суждения (на чем, например, основано утверждение *would so greatly welcome?*).

Как свидетельствует приведенный пример, суждение, лежащее в основе «приписываемого» врагам мнения, и лексические средства, используемые для его реализации, не носят «апокалиптический» характер, свойственный аналогичным суждениям в ДНМП. Анализ текстового корпуса ДХВ также показывает, что отбор нейтральных лексиче-

ских средств для актуализации приписываемых врагу суждений является устойчивой тенденцией в 1960—1970-х гг и сменяется использованием более прагматически заряженной лексики лишь в начале 1980-х гг.

Сделаем некоторые выводы из проведенного анализа. Реализуемая в политическом дискурсе США стратегия создания образа врага неизменно используется в последние 50 лет в политической коммуникации, несмотря на смену дискурсивных формаций и референциального индекса данной категории. Относительно способа реализации данной стратегии следует отметить следующее. Во-первых, обнаруживается практически строгое единообразие моделирования в текстах рассмотренной категории (на уровне используемых языковых средств, приемов, стратегий), во-вторых, наблюдается явно прагматически ориентированный отбор лексико-стилистических и грамматических средств, используемых при вербализации модели. Моделируемый в текстах американского политического дискурса образ врага представляет собой проекцию универсальной когнитивной и семиотической категории «круг чужих».

Получая свое семантическое наполнение в текстах определенной дискурсивной практики, категория «круг чужих», очевидно, участвует в создании и закреплении в сознании социума стереотипной оппозиции «свои — чужие», которая конструируется в тексте и затем переносится на экстралингвистическую реальность, вследствие чего по крайней мере отчасти структурирует последнюю, формируя наше знание о ней и позволяя мотивировать определенные, часто недискурсивные, действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Л. В. Лингвокультурологический анализ модальности возможности (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2007.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Перемена, 2000.
3. Dunmire P. L. '9/11 changed everything': an intertextual analysis of the Bush Doctrine // *Discourse & Society*. 2009. Vol. 20 (2). P. 195—222.
4. Jørgensen M., Phillips L. *Discourse analysis as theory and method*. — L. : Sage, 2002.
5. Leuder I., Marsland V., Nekvapil J. On membership categorization: 'us', 'them' and 'doing violence' in political discourse // *Discourse & Society*. 2004. № 15 (2—3). — P. 243—266.

ИСТОЧНИКИ

6. *Bush George H. W.* Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia. Nov. 22, 1990. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php?id=2485&year=&month=. (дата обращения: 04.03.2012).
7. *Bush George W.* Address to the Nation. Sept. 20, 2001. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html> (дата обращения: 04.09.2012).
8. *Bush George W.* The Iraqi Threat. Oct. 7, 2002. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.7.02.html> (дата обращения: 04.09.2012).
9. *Bush George W.* Remarks to the U. N. New York. Sept. 12, 2002a. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.12.02.html> (дата обращения: 09.09.2012).
10. *Bush George W.* Message to Saddam. March 17, 2003. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.17.03.html> (дата обращения: 09.09.2012).
11. *Bush George W.* More on the Next 4 Years—Radio Address, Nov. 6, 2004. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/11.06.04.html> (дата обращения: 09.09.2012).
12. *Bush George W.* Address to the United Nations. Sept. 21, 2004a. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.21.04.html> (дата обращения: 09.09.2012).
13. *Carter J.* Peace and National Security Address to the Nation on Soviet Combat Troops in Cuba and the Strategic Arms Limitation Treaty. Oct. 1, 1979. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=31458> (дата обращения: 04.09.2012).
14. *Clinton B.* Statement on Kosovo. March 24, 1999. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/3932> (дата обращения: 09.09.2012).
15. *Kennedy J. F.* Inaugural Address. Jan. 20, 1961. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/kennedy/inaugural.html> (дата обращения: 10.09.2012).
16. *Kennedy J. F.* President and the Press. April 27, 1961a. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/3677> (дата обращения: 04.09.2012).
17. *Kennedy J. F.* The Berlin Crisis. July 25, 1961b. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/kennedy/berlincrisis.html> (дата обращения: 04.09.2012).
18. *Kennedy J. F.* American University Speech. June 10, 1963. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/kennedy/americanuniversity.html> (дата обращения: 04.09.2012).
19. *Kennedy J. F.* Radio and Television Address to the American People on the Nuclear Test Ban Treaty. Washington, D.C. July 26, 1963a. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/kennedy/nucleartestban.html> (дата обращения: 04.09.2012).

20. *Kennedy J. F.* Address at the Mormon Tabernacle. Sept. 26, 1963b. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/3378> (дата обращения: 09.09. 2012).

21. *Nixon R.* Address to the 25th Anniversary Session of the General Assembly of the United Nations. Oct. 23, 1970. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=2754> (дата обращения: 04.09. 2012).

22. *Reagan R.* National Security. March 23, 1983. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/reagan/nationalsecurity.html> (дата обращения: 04.09. 2012).

23. *Reagan R.* Address to the Nation and Other Countries on United States-Soviet Relations. Jan. 16, 1984. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1984/11684a.htm> (дата обращения: 04.09. 2012).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Е. Чернявская